

Как полюбить врага?

0+

Казаков К.С.

Константин Сергеевич Казаков

Как полюбить врага?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66248990

SelfPub; 2021

Аннотация

Старший брат, как может, воспитывает младшего. Младший брат не понимает, почему он должен слушаться и почитать старшего, заменяющего ему вечно занятым, разными делами, родителей. Он ненавидит брата, пока не попадает, по своей же глупости и неопытности, в неприятную ситуацию. Тут-то, на спасение и приходит, родной и любимый брат ...

Константин Казаков

Как полюбить врага?

Беглец

Бывает так, что кровный брат
Тебе почти заклятый враг.
Бывает так: заклятый враг
Тебе становится как брат.

Бывает так, что нет друзей
И мир становится грустней.
И даже негде поискать,
А кровный брат – заклятый враг.

Он все обидеть норовит,
Испортить безупречный вид.
Отнять игрушку, оскорбить,
За непослушание набить.

Ему б все время поучать,
Куда не лезть и что мне знать.
Кого любить, о чем мечтать,
Кого на день рождения звать...

И от такой опеки я
Вести себя стал как свинья.
Чуть что кричал: «Обидел он,
Набейте папиным ремнем!

Не лезет пусть в мои игрушки,
Мои не трогает подушки».
Я целый день твердил одно:
«Мое, мое, мое, мое...»

Он был коварен – хитр как лис,
Я с ним не шел на компромисс.
А он меня специально злил –
Свои игрушки не дарил.

Он не хотел со мной играть,
Просил ему мне не мешать.
И кашу мерзкую варил,
Чуть что родителям звонил.

Им говорил, что я не ем,
Его не слушаюсь совсем.
Не убираюсь и не сплю,
Что маму с папой не люблю.

И так я рос, и вот мне семь...

И брата не люблю совсем.
С надеждой в школу я иду,
Быть может, там друзей найду.

И вот звонок в мой первый класс,
Туда иду я в первый раз.
Несу портфель, несую цветы,
Пестрят девчонки и банты.

И вся семья меня ведет,
И только кот нас дома ждет.
Дед, бабушка, отец и мать
Спешат слова свои сказать:

«Гони свой страх, будь молодцом,
Ты стал теперь учеником.
Не балуйся и не кричи,
Себя как следует веди.

При этом будь повеселей,
Найди себе скорей друзей.
За партой тихим будь как тень,
Держи осанку целый день».

И я держал, сидел в углу,
Не подходил я ни к кому.

Смотрел в окно, считал сорок,
Пока не начался урок.

Вошел учитель не спеша,
Сказал всем сесть, но вот куда?
Такой поднялся шум и гам...
Всех рассадил учитель сам.

Бесшумно я в углу стоял
И свой черед спокойно ждал.
Всех рассадили по местам,
Один остался хулиган.

Он убегал, сопротивлялся.
За ним почти весь класс гонялся.
Свернув три парты, все ж поймали,
На первый раз ругать не стали.

За партой первой усадили,
Спокойствие восстановили.
Остался я совсем один.
Велели сесть мне рядом с ним.

Я возмущен был, я ворчал!
Но класс речей не замечал.
Все возмущения смог пресечь

Учитель, громко начав речь.

Он рассказал о том, как мы
Близки друг другу и важны,
Что вместе долго еще жить
И надо бы нам всем дружить.

«И я ваш друг, – он нам сказал,
И имя-отчество назвал. –
Со мной вы можете делиться
Тем, что в душе у вас хранится.

Команда мы! Я капитан,
В обиду никого не дам!
Внутри порядок должен быть,
Тогда спокойно можно плыть.

Команду должен я узнать,
Скажите мне, кого как звать.
Тебя, бандит, потом спрошу!
Пока я прочих опрошу.

Вот твой приятель хмурит бровь,
Ответить мне сейчас готов?
Как величают, любит что –
Театр или шапито?

Какие песни слушать рад?
Есть у него сестра иль брат?..
Куда судьба его ведет?
Что для себя он изберет?»

Тут я допрос не смог терпеть
И был готов рассвирепеть!
Вскочил, откинув стул назад:
«Зовут меня Киреев Влад!

С субъектом рядом не знаком,
В окно увидите мой дом.
В нем кот сидит, тоскует, ждет
И к миске кушать не идет.

Есть брат Егор – мой кровный враг,
С рождения лицезреть не рад!
Он мне за мать и за отца,
Он мой пастух, а я овца!

Мечтаю вырасти, уйти
Из этой школы и семьи!
В природы глубь, где пенье птиц,
Не видеть миллионы лиц.

Где солнышко на всех одно,
Всем одинаково дано
Тепло и все, что есть внутри,
Дают для всех – иди бери».

Окончил речь и пулей в дверь
Как загнанный в капканы зверь.
Мимо охраны, мимо всех
Бежал, не замечал помех.

Бежал, пока хватало сил,
Покинуть город я спешил.
Где небо и дремучий лес
Сливались в множество чудес.

Туда, где горы, хвойный бор;
Вот мне б еще с собой топор.
И спичек нет, огонь где взять?
Как мог лишь чувствам доверять?

Забыл, чему учила мать:
«Умом мир нужно понимать,
Всю душу в дело вкладывать,
А мнение при себе держать».

А я вспылil – дурак, глупец,

Хотел учить орла птенец.
Остыну и смогу понять,
Что нужно знать, с собой что брать.

Вернусь, ведь там отец и мать,
Им учесть нужно мою знать.
Вот только как домой пойти,
Обратные найти пути?

Вокруг не видно ни души,
Я сел и зарыдал в тиши.
И вдруг как гром мелодий звон.
Я же забыл про телефон.

«Алло», – сказал из трубки брат.
Его я слышать был так рад,
Что закричал: «
Люблю тебя,
Приди, найди, спаси меня!

Прости за все, прости за зло,
Что причинял тебе давно.
Все осознал и искуплю,
Тебе свое все подарю.

Ты только выручи, прошу,

Я тут в траве один лежу!»
«Что ты несешь, что говоришь,
Зачем и где сейчас лежишь?

Вокруг дома, строения есть?
Ты сможешь что-нибудь прочесть?
Название улицы найдешь,
Мне цифры, буквы назовешь».

«Вот вижу: «М», «И», «Р» и «А»,
Один, потом идет черта,
За ней же буква, вроде «а».
Кругом забор, дымит труба».

«Ты никуда не уходи,
Сиди и очень долго жди.
По телефону не звони,
В карман пока что убери.

Я буду где-то через час,
Любуйся миром без прикрас.
Держись подальше от собак.
Даст бог, спасет тебя твой враг».

Поднялся ветер, дождь пошел,
А я укрытие не нашел.

Сжимался, мерз, дрожало тело,
И вдруг калитка закрипела.

В фуфайке вышел старичок
И хриплый подал голосок:
«Ты что тут делаешь, внучок?
До нитки весь уже промок!

Пойдем в тепло, хлебнем чаек,
А то продует ветерок!»
«Не тронусь с места! – я сказал. –
Чтоб брат меня не потерял».

Плечами старичок пожал,
Снял плащ и в руки мне отдал.
«Держи, а апосля вернешь,
Как брат приедет – принесешь».

Я за калиточкой сижу,
Один весь город сторожу.
И убежал за дверь рысцой...
Дождь оказался затяжной.

Все шел и шел, и час прошел,
А брат мой так и не пришел.
А ветер в даль белугой выл,

Себя я проклинал, корил.

Но все затихло наконец,
И солнечный святой рубец,
Разрезав, небо осветил –
Мой страх немного отпустил.

За божьим светом брат бежал
И что-то издали кричал.
И мне б спешить, благодарить,
А я подумал: «Будет бить!»

А он приблизился, обнял
И сам зачем-то зарыдал.
Он ничего не понимал:
«Откуда плащ, зачем удрал?»

Пришлось все долго объяснять
Про то, как я решил слинять,
Что надо курточку отдать
И с ветерком домой шагать.

Мы ржавую открыли дверь,
Там поджидал лохматый зверь.
Пес вымерил большой прыжок,
Прошел по телу холодок.

А он нас принялся лизать,
Мы стали дико хохотать,
Собаку нежно обнимать,
Шерсть гладить, за ухом чесать.

И мы играючи, живьем
Ввалились к сторожу втроем.
Старик спросил: «
Ну что, нашлись?
Не стой в дверях, иди садись!»

И ты присядь, конфету съешь.
Я тут в тепле проел всю плешь:
Чего сидит, кого так ждет?
Вода ведром с небес течет!

Я тут, сынки, поговорил
С одним из заводских водил.
Он вас до дому отвезет.
Вон видите: КамАЗ вас ждет!

Водила – добрый мужичок.
Ему шепните адресок.
Уходит солнышко за грань,
Темнеет наша глухомань.

Погрейтесь у меня чуток
И возвращайтесь в городок.
Друг друга не бросайте впредь,
Мир можно и вдвоем смотреть.

Он – брат, на то и богом дан,
Чтобы делить все пополам.
В нем мать твоя и твой отец,
Он предков всех твоих венец.

А если ты не чтишь дедов,
То и себя забыть готов.
Вас лепят из одной муки,
Твой брат – это почти что ты!

Заботу старших принимай,
Они мудрей, не забывай.
Дань поколениям отдать
Через тебя сумел твой брат.

Сквозь безответную опеку
Любовь к родному человеку,
Сквозь все терпения сотни сил
Он душу нежно огранил.

Ну всё, внучки, крадется тьма,
А потому спешить пора.
Для вас всегда проход открыт
В мой скромный, дружелюбный быт».

Мы крепко обняли его,
Все на мгновение замерло:
Дыхание, сердце, мир вокруг,
Гам превратился в инфразвук.

И ожило все через миг,
У старца засветился лик
Улыбкой светлой и родной,
А мы отправились домой.

Водила быстро нас домчал,
В дороге головой качал,
Мол, как же так в такой глуши
Вы оказались, мальчиши?

Скороговоркой лил рассказ,
Как пулемет строчил мой глас.
Отыгрывал я как актер.
Молча внимал и вел шофер.

КамАЗ к подъезду подъезжал,

Когда я притчу дочитал.

И через несколько минут

Сидел в тепле раздет, разут. (Предложение построено не совсем корректно, складывается впечатление, что через несколько минут в тепле, раздет и разут, сидел КамАЗ.)

Смотрел, как крутит барабан.

Внутри – как будто океан.

Там скатами белье кишит.

Машина нервно дребезжит.

Вот–вот родители придут

И в порошок меня сотрут.

Брат бешено урок строчит.

И вот уже звонок жужжит.

Я спрятался и не иду,

Что дальше будет, тихо жду.

А брат дает такой ответ:

Мол, нареканий ко мне нет.

Что форма сушится, висит,

Что он с уроками спешит.

Отец зашел и стал ругать,

Что нужно сочинение сдать.

А где оно? Егор поник,
Тут я из комнаты возник
И закричал: «Не смей ругать,
Ему я буду помогать!»

Все буквы за ночь изучу,
К утру что надо напишу».
Поднялся смех. Отец и мать
Нас стали крепко обнимать.

Звенел сервиз, котов пугал,
А вечер тот конца не знал.
А утром кашель и озноб –
Таков был подвигов итог.

На месяц мы вдвоем слегли,
Лечили нас все чем могли.
Втирали в тело едкий спирт,
Ежом казался старый бинт.

Горел горчичник на спине,
Но всех счастливей на земле
Был я: стал другом брат,
Хотя недавно был мне враг.

Снова в школу

Болезнь ушла, и в горле ком.
Иду с огромным рюкзаком.
Учителя я оскорбил,
И в класс войти не хватит сил.

Мне б провалиться от стыда
Сейчас неведомо куда.
Бреду я головою вниз,
Гоню ногой опавший лист.

И кто-то вдруг плечо задел,
Я посмотрел и обомлел:
Учитель предо мной стоял.
Что делать, я не понимал.

«Привет, боец, – промолвил он, –
Не против, если мы пойдем вдвоем?»
«Нет», – все, что я сумел сказать.
«Так вот, – решил он продолжать, –

При первой встрече я был груб.
Прошу, прости меня, мой друг,
Вот только должен заявить,
Что не смогу вас рассадить.

Терпи, браток, нет больше мест.
Даст бог, наш укротится бес
И с партами решим вопрос.
Не вешай свой курносый нос».

Я же в ответ кивал, мычал
И ничего не отвечал.
Не извинился, не сказал,
Что всю вину я осознал.

Что как смогу, так искуплю
И хулигана потерплю.
Сам воспитанием займусь
И, если надо, подерусь.

Тогда, быть может, выйдет толк.
Сверчок пусть знает свой шесток.
И медленно обдумал план,
Казалось, он был без изъян. (корректно «без изъяна» или
«без изъянов», но тогда нарушится рифма, так что просто
рекомендую переделать предложение)

С учителем в наш класс зашел
И хулигана не нашел.
Вокруг царила суета,
Носились все туда-сюда.

По времени звонок был дан,
Все встали по своим местам.
Я молча подошел и сел,
Учитель пристально смотрел:

«Ты видишь, Влад, весь класс стоит
И укоризненно глядит.
Но в этом нет твоей вины,
Ведь наш устав не знаешь ты.

Перед уроком нужно встать,
Так принято учителя встречать».
Но я значения не придал,
Сидеть спокойно продолжал.

Запал поступок в душу всем
И вызвал множество проблем.
Никто ни в чем не обвинял,
Но я презрение ощущал.

Я был общественный изгой,
Дружить никто не мог со мной.
Не знал, в чем кроется вина,
Своя душа была чиста.

Прилежен был и не грубил,
Букварь давно весь изучил.
И все столицы мог назвать,
Умел считать, умел писать.

Лучше других старался быть,
Не бегать и не голосить.
К девчонкам я не приставал,
Сам по себе существовал.

Но только Вовка-хулиган
Всерьез меня воспринимал.
Его ж терпеть не мог в ответ:

Он всех моих виновник бед! (Предложение построено некорректно. Либо «Он виновник всех моих бед», либо «Он всех моих бед виновник».)

Ведь хуже личность не сыскать:
Он норовил всегда списать,
Одежду дергал, обзывал,
Как мог презрение вызывал.

Из-за него все началось
И до того все разрослось:
Во всех винят меня грехах.
Я прихожу домой в слезах.

Кто-то журнал взял и стащил,
Учителю стул побелил,
В школу с угрозами звонил –
Во всем меня класс обвинил.

Так дальше не хотелось жить,
Решил его я проучить.
Где дом его, сумел, узнал
И рядом в парке подождал.

За все поплатится бандит,
Красивый сделает кульбит.
Где раки прячутся от нас
Зимой, узнает он сейчас.

Я начал диалог без фраз –
Ударил левой в правый глаз.
«За что?!» – он басом закричал,
Как будто сам не понимал.

«За все!» – сказал и с правой дал.
Он испугался и удрал.
А я за ним что было сил,
Разрыв почти что сократил.

Вдруг он бордюр задел ногой,
Сустав сместился голевой. (слово «голевой» некорректно

– таких суставов нет)

Он навзничь на асфальт упал,
От боли адской застонал.

Приблизился и говорю:
«Вставай, лежачих я не бью!»
Он попытался, но не смог.
Ему подняться я помог.

Хотел узнать он лишь одно:
«За что, прошу, скажи, за что?»
За то, что парта на двоих,
За то, что я сильнее других?

За свой природный шумный нрав,
За то, что я сегодня прав?
За то, что невоспитан, груб,
За то, что от природы глуп?

Сам правильно не можешь жить –
Уже спешишь других судить.
Кто правом наделил тебя,
Чтобы воспитывать меня?

Твой статус был весьма задет,
Решил ты: я вина всех бед.
Коль так, наказывай – суди!
А если нет, то уходи!»

Съедала совесть дух бесплодный
И разум ни на что не годный!

Моя фитина, злой проступок, (фитина – неологизм? Не
нашла такое слово)

Мучительный, дурной поступок.

Не позабыть, не оправдать,
Но и вину нет сил признать.
Не мог отвергнуть обвинение;
Все искупить – одно спасение.

За руку я его схватил,
На спину плавно водрузил
И молча потащил домой,
А в горле ком стоял сухой.

Через кусты густых чащоб,
Парко-хозяйственных трущоб,
По переулкам и баракам.
Мы долго шли по буеракам.

Валил холодным градом пот,
Мы как смогли прошли пятьсот.
Ломило все от напряжения,
Вот-вот свалюсь в изнеможении.

Но гнев к себе давал мне силы
И впереди фонтаны били.
И я ступал за шагом шаг
Сквозь ругань, боль и лай собак.

И вот она, вода святая,
Непревзойденная, родная.
Бесценен ты – глоток воды!
Ты есть предел моей мечты.

Мы стали брызгаться, плескаться
И заразительно смеяться.
Друг друга осаждать, молить,
За все прощения просить.

Вдруг разорвав наше единство,
Ворвался голос исполинский:
«Владимир, как себя ведешь?
Домой когда уже пойдешь?»

Эффектный выхватил синяк!

Хоть месяц можешь ты без драк?
А это еще кто с тобой,
Такой же грязный и худой?

Ты всю одежду намочил
И где вообще так долго был?
Дождешься у меня, наглец...» –
То был товарища отец.

Схватил за шиворот, повел,
И мы упали все втроем.
Мужчина встал, очистил грязь,
Одним рывком поставил нас.

Увидел вывих на ноге
И обратил свой взор ко мне:
«Ты что наделал, хулиган?» –
И крепкий выписал щелбан.

«Как наказать тебя, чиграш?
Вхожу уже от злости в раж.
Но раз ты смог его избить,
Сумей и сдачи получить!»

Я онемел от страха в ноль.
Раскаянья тугая боль

Стыдом сжигала дух и честь.
Еще чуть-чуть, и грянет мечь!

«Не смей, – вмешался Вовка-сын. –
Нет у тебя на то причин.
Он мне помог, он – верный друг!
И с ним не связан мой недуг.

Я сам нечаянно упал,
А он идти мне помогал.
От школы нес! Лишился сил,
А ты тут руки распустил».

Сказал отец: «Один щелбан
Вам никогда б не помешал.
Но что с вас взять, хулиганье,
Пойдемте, купим эскимо».

И вверх подняв легко и ловко,
В руках понес больного Вовку.
Меня он в гости пригласил,
Когда я доедал пломбир.

Но я сказал, что мне пора,
Что слишком поздняя пора,
Что путь неблизок, дома ждут

И нервно двери стерегут.

И распрощались мы на том
В надежде встретиться потом.
А дома мать в слезах встречала
И от волнения кричала.

А я опять молчал, сопел,
В глаза усталые смотрел.
«Не повторится», – обещал,
А через день опять пропал.

Ведь два дня Вовка не ходил,
А он же в гости пригласил!
Квартиры номер не назвал,
И я его ходил искал.

Но все ж язык меня довел.
Я у него полдня провел.
И снова мать в дверях, отец:
Их долгожданный сорванец.

Сто обещаний, море мук
И снова тысяча разлук.
Боязнь ошибку совершить
Опять меня учила жить.

Бывает так, что лютой враг
Тебе становится как брат.
С врагом будь аккуратней ты,
Никто не знает путь судьбы.